

УДК 17+32

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург lfishman@yandex.ru

ИСЧЕЗНЕТ ЛИ МОРАЛЬ?¹

«О нравственности буду петь».
Мефистофель

Статья посвящена рассмотрению следующей проблемы: действительно ли исчезает мораль в ходе эволюции человека и общества, уступая место нравственности и правовым нормам как социальным регуляторам? Показано, что такое утверждение – следствие мышления в доминирующей либеральной парадигме, ориентирующейся на имплицитно в нем присутствующую идею «конца истории» и исключаящую возможность социальных перемен за пределами капитализма и либерализма.

Мораль, нравственность, либерализм, капитализм, социальные изменения, политическая борьба.

Исчезает ли мораль в ходе эволюции человека и общества? Социальные философы, политические публицисты как у нас, так и на Западе, уже давно бьют тревогу, отмечая «падение морали и нравственности». Это падение морали, под которой понимаются преимущественно традиционные ценности, например семейные, отмечается с начала Нового времени. Такого рода сетования давно стали излюбленной темой разного рода консерваторов не только на Западе. Эта тема не менее актуальна и в России.

Так, например, А.В. Юревич и В.Д. Ушаков, оценивая ситуацию, отмечают, что моральная деградация нашего общества констатируется представителями самых различных наук, и ее можно считать подлинно «междисциплинарным» фактом. Психологи демонстрируют, что «Россия на долгие годы оказалась «естественной лабораторией», где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровые испытания». Социологи показывают, что «в конце XX – начале XXI в. российское общество, ввергнутое государством сначала в «перестройку», а затем в «радикальные реформы», постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных,

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта программы ООИ РАН № 12-Т-6-1002.

экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения». Они же констатируют «моральную аберрацию» мышления наших политиков – его дистанцирование от моральных ценностей и ориентиров, которые в нем вытеснены категориями экономического характера, такими как экономический рост, размер ВВП, показатели инфляции и др. Экономисты отмечают, что «среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека», подчеркивая «интенсивное искоренение морально-этической составляющей из социального бытия». А философы связывают происходящее в современной России с тем очевидным фактом, что свобода приводит к высвобождению не только лучшего, но и худшего в человеке, и соответственно, должна предполагать ограничения на высвобождение худшего. «Что делает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как разнуздание? – задавался вопросом И.А. Ильин и отвечал, – он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы». Что и произошло в нашей стране в начале 1990-х гг. В.Г. Федотова констатирует: «Анархический порядок 90-х массово породил индивида, понимающего свободу как волю [12].

Однако если встать на такую консервативно-морализаторскую точку зрения, то получается, что на протяжении всей своей истории человечество не придумало ничего лучшего для регулирования социального поведения, кроме традиционных ценностей. Когда эти ценности окончательно разрушатся, то разрушатся и общества, придет в упадок человеческая цивилизация. Такова в принципе и христианская картина истории – эсхатология, повествующая о том, как человечество несмотря ни на что в итоге падет в морально-нравственном отношении столь низко, что Бог будет судить его и наступит конец света. С этой точки зрения остается только пытаться оттянуть неизбежный конец, проповедуя возрождение традиционной морали и нравственности.

Проблема в том, что последний рецепт неосуществим на практике в глобальных масштабах. Если подходить к морали и нравственности с исторической и социологической точек зрения, то отчетливо видно, что традиционная мораль была на своем месте в таком же обществе; по мере модернизации ей оставалось все меньше места. Другой аспект таков: моральные запреты решали раньше ряд проблем, которые теперь решены научно-техническим путем (например аспект добрачного секса, контрацепция и т.д.). Теперь же необходимость такого рода запретов резко снизилась. Наконец, со времен Просвещения, если не раньше, обнаружилось, что больше нельзя обосновать целостную систему морали рационально, что любая такая попытка выливается всего лишь в обоснование произволь-

ного набора ценностей (даже не произвольного, а просто считающегося естественным для того или иного автора, унаследовавшего их в процессе воспитания в определенной социальной среде). В частности, было утрачено общее представление о справедливости, которая теперь стала релятивной, историчной и постоянно переустанавливающейся заново [6, с. 66]. Так был потерян всеобщий характер морали. Какое-то время роль рационального обоснования морали негласно исполняли идеологические и утопические проекты, однако и их время закончилось. Это отразилось в «падении спроса» на этику как раздел философии, занимающийся феноменом, который, по видимости, исчезает.

Однако общества все же существуют. Почему? За счет остаточной морали или же из-за наличия альтернативных регуляторов поведения – законов, привычек и т.д.? А может быть вернее будет сказать, что имеет место закономерный отход от морали традиционного, доиндустриального общества в пользу иных регуляторов поведения? В этом случае все сетования по поводу упадка морали и нравственности, равно как и призывы возродить их (только какие конкретно?), выглядят обреченными на неудачу.

Кроме того, есть основания полагать, что собственно мораль – не общезначимый феномен, особенно если не смешивать ее с нравственностью. В действительности общества регулируются не моралью, а нравственностью и предъявлять всему обществу строгие моральные требования неверно и бессмысленно. Нравственность демократична и общедоступна, она является следствием социальной дрессуры и общего воспитания и при этом далеко не всегда совпадает с моралью. В конце концов, собственно морализаторством занимается весьма ограниченный круг людей и далеко не во всякую эпоху. По этому поводу, например, Е.Г. Краснухина замечает, что мораль «элитарна по определению, она есть удел избранных и требует особого дара и личностного самостояния [4, с. 48-49].

Словом, стоит развести мораль и нравственность, и картина начинает выглядеть уже не такой катастрофической. Причем неважно, как именно разводятся эти понятия. Принципиально, что при разведении всегда противопоставляется система ценностей, завязанная на внешнем регулировании поведения, системе, основанной на подчинении каким-то внутренним регуляторам. При этом будущее признается именно за последними в силу их большей укорененности в человеческой душе, их индивидуального характера. Так, для других пишущих на эту тему как раз нравственность – нечто гораздо более тонкое и ситуативное, чем мораль, которая, в свою очередь, легко сводится к каким-то внешним запретам. Они, как А. Никонов, приписывают именно нравственности личностное измерение, а морали в таковом отказывают: «Главное различие между моралью и нравственностью в том, что мораль

всегда предполагает внешний оценивающий объект: социальная мораль – общество, толпу, соседей; религиозная мораль – Бога. А нравственность – это внутренний самоконтроль. Нравственный человек более глубок и сложен, чем моральный. Так же как автоматически работающий агрегат сложнее ручной машинки, которую приводит в действие чужая воля» [8, с. 377].

Поскольку мир естественным образом усложняется, усложняется и человек. Словом, такой социальный регулятор, как мораль, – явление исторически преходящее и со временем отомрет. Не надо поэтому огорчаться упадку морали: «Мир движется в сторону аморализма, это правда. Зато он идет в сторону нравственности» [8, с. 378].

Остается только представить себе, что это за нравственность. Некоторые уже взяли на себя труд изложить ее в так называемых *«Заповедях» современного общества* (смешивая при этом мораль с нравственностью). «У современного общества есть свои важнейшие ценности, которые в традиционных обществах были далеко не на первом месте (и даже рассматривались как отрицательные):

- «не ленись, будь энергичен, всегда стремись к большему»;
- «саморазвивайся, учись, становись умнее – тем самым ты содействуешь прогрессу человечества»;
- «добивайся личного успеха, достигай богатства, живи в достатке – тем самым ты содействуешь процветанию и развитию общества»;
- «не доставляй другим неудобств, не лезь в чужую жизнь, уважай личность другого и частную собственность».

Современная нравственность – это не потакание эгоизму и «низменным инстинктам». Современная нравственность предъявляет к человеку больше требований, чем когда-либо ранее в человеческой истории. Традиционная мораль давала человеку четкие правила жизни, но не требовала от него ничего сверх того. Жизнь человека в традиционном обществе была регламентирована, достаточно было просто жить по заведенному веками порядку. Это не требовало душевых усилий, это было просто и примитивно. Современная мораль требует от человека развиваться и собственными усилиями добиваться успеха. Но она не говорит, как это сделать, лишь стимулирует человека к постоянному поиску, преодолению себя и напряжению своих сил. Взамен современная нравственность дает человеку ощущение того, что он не винтик бессмысленной машины, придуманной неизвестно зачем, а творец будущего и один из строителей самого себя и всего этого мира... Кроме того, саморазвитие, повышение профессионализма приводит и к обретению материального богатства, дает достаток и процветание уже «в этой жизни» [9].

Итак, главная цель – личное процветание и успех. Пути их достижения не регламентированы, но оговорено требование не мешать

другим. Правда, в условиях рынка и частной собственности, которые надо уважать, невозможно добиваться успеха и личного процветания, совсем уж не ущемляя чужих интересов. Поэтому в ход идет старая либеральная риторика на тему «живи в достатке – тем самым ты содействуешь процветанию и развитию общества». Коротче говоря, живи как живется, делай что хочешь, но только в рамках представлений, согласно которым «саморазвитие» достигается через «успех» и «богатство». Это заповеди абстрактного «современного человека», который сильно походит на обычного конформиста, утешающего себя тем, что он содействует «прогрессу человечества» уже фактом своего существования.

В таком ходе мысли нет ничего неожиданного. Эта песня звучит в истории не в первый раз и ей примерно столько же лет, сколько классическому либерализму, в парадигме которого до сих пор осмысливается большинство проблем «современной», то есть капиталистической, цивилизации. Например, уже Ф. Гизо, известный апологет либерализма, различал два основных фактора прогресса: прогресс социальных институтов и прогресс в развитии индивидов. Он считал, что «внешний быт, сложившийся лучше и справедливее, делает и самого человека более склонным к справедливости; что внутренний мир преобразовывается миром внешним, и наоборот; что оба элемента цивилизации тесно связаны друг с другом; что хотя бы их разделяли целые века и всевозможные преграды, хотя бы соединение их требовало бесчисленных видоизменений, но рано или поздно они непременно соединятся в каждом из них между собою; это естественный закон, это общий факт истории, это инстинктивное верование человеческого рода» [1, с. 31-32].

Иными словами, либеральное мышление изначально тесно связывает совершенствование социальных институтов с совершенствованием нравов. Когда-нибудь в перспективе социальные институты станут настолько совершенными, что идеально вписавшийся в них индивид не будет озабочен отдельно проблемами морального плана. Последовательные выводы из этой теории сделал не кто иной, как Гегель, который осмыслил мораль, в отличие от нравственности, как нечто исторически преходящее.

Нравственность по Гегелю изначально являлась уделом довольно примитивных обществ, в которых люди непосредственно руководятся в своем поведении привычными устоявшимися правилами. «Морали» там не было, были одни только «нравы».

Переход от нравственности к собственно морали происходит тогда, когда цивилизация достигла уже довольно высокого уровня, например в античности. Тогда появляется представление о «всеобщем» и «непосредственное больше не имеет силы, а должно оправдать себя перед мыслью». Общепринятые нормы поведения начинают подвергаться критике со стороны индивидуального сознания, которое «испытывает неуверенность в сущем законе», требует от

последнего, чтобы он узаконил себя перед сознанием. Так происходит «отрыв единичного от всеобщего», что означает «отказ от общественных нравов и воцарение морали», которые происходят одновременно.

Моральное сознание в таком случае не просто пассивно отражает фактическое положение вещей в обществе, а напротив, требует, чтобы действительность согласовалась с его предписаниями и требованием добра. Появляется морализаторская критика существующего порядка и противопоставление ему должного и лучшего миропорядка. По Гегелю, эта критика в силу своей субъективности является не более чем «суетной мечтой», самонадеянным забеганием вперед мирового разума. Поэтому Гегель отрицает правомерность нравственного суда над историческими деятелями, всегда являющимися адекватными орудиями мирового духа и общественными событиями.

В итоге у Гегеля мораль должна смениться нравственностью, но иного порядка, чем простые нравы. Новая нравственность будет обусловлена разумностью общественно-государственного устройства жизни. Необходимо напомнить, что Гегель чрезвычайно высоко ценил государство: оно и есть «наличная, действительно нравственная жизнь». Таким образом, новая нравственность обусловлена правом или иными социальными институтами, или корпоративными нормами. Место морального «личного долга» занимают «обязанности», которые более не претендуют на всеобщность. Они специфичны для особых условий жизни, корпоративной принадлежности и т.д. [3, с. 81-85].

Словом, будучи последовательно развитой, либеральная парадигма с уверенностью констатирует только прогресс социальных институтов и прогресс в индивидуальном развитии, если угодно – прогресс нравственности по типу «больше права, меньше силы» и т.д., и т.п. Гарантий же вечного существования морали она отнюдь не дает.

Не трудно заметить, что изложенная концепция практически полностью совпадает со взглядами людей, проповедующими близкий конец морали в пользу нравственности. Показательно, что современные вольные или невольные последователи Гегеля возлагают главные надежды на правовое регулирование, регулирование со стороны социальных институтов, корпораций и т.д. Например, А. Никонов замечает, что законодательство в «продвинутых» странах дрейфует в сторону принципов невмешательства в чужую жизнь, «нет пострадавших, нет преступления», «неправ тот, кто первый обиделся» и т.д. Он пишет: «Мы живем в мире множественности моральных нормативов. Возникают корпоративные этики, правила поведения в своей профессиональной, социальной среде или просто в дружеской компании... И в пределе эта моральная

дифференцированность может дробиться до минимальной частицы социума – человека. И тогда у каждого окажется своя мораль» [8, с. 379-380]. Или, как иронично выразился С. Жижек, «у вас есть свой мир, у меня есть мой мир, нам просто необходима нейтральная правовая система, объясняющая, как нам вежливо игнорировать друг друга» [10].

Иными словами, нравственный человек настоящего – это человек в сущности гегелевского или даже фукуямовского «конца истории». Он больше не критикует наличный порядок, закрепленный в законах и корпоративных нормах, не отягощает себя суетными мечтами о совершенствовании общества, он забрался на вершину истории и наслаждается этим. Разрыва между сущим и должным в его сознании больше нет. То есть тот, кто провозглашает близкую смерть морали и замену ее нравственностью, фактически утверждает, что мы близки к концу истории, что в принципе поиски социального идеала близки к завершению. Остается только доработка деталей и экстенсивное распространение идеала на все человечество.

Понятно, что такой подход, мягко говоря, не беспроблемен. Действительно, если мы приближаемся к концу эры морали, то требуется создать целостную философию истории, из которой конец морали и торжество нравственности с необходимостью вытекают. Таких возможных философий всего две: это какая-либо версия либерального прогрессизма или же версия цивилизационного подхода. С первой точки зрения, разумно устроенное либеральное государство плюс гражданское общество восторжествуют в глобальном масштабе. Тогда людям не придется желать лучшего, поскольку ничего лучше быть не может. Со второй точки зрения, просто исчерпается потенциал определенной цивилизации. Дух народа (культуры, этноса и т.д.) утратит способность создавать нечто новое и успокоится в привычных формах социальных институтов, обычаев, нравов, что будет означать старость и смерть цивилизации. Оба этих подхода могут органично сочетаться в сознании некоторых мыслителей. Уже Гегель отчетливо сознавал, что когда исчезает разрыв между сущим и должным, это означает начало заката, духовной или физической смерти. Это в равной мере относится к индивидам и народам. Конец морали также подразумевается и философией постмодернизма, которая провозглашает конец всех общезначимых систем ценностей, закат метанаративов [5]. В любом случае конец морали выводится либо из конца политического дискурса определенного типа, конца политики как внешнего регулятора человеческого поведения, либо из исчезновения индивидов старого типа, достаточно примитивных и ретроградных, чтобы руководствоваться традиционной моралью.

Уязвимое место теорий конца морали, игнорирующих конкретное содержание «современного общества», заключается в том, что капиталистическая «современность» – не последнее слово исто-

рии. Переход к ней, который должен означать конец всякой традиционной, несовременной морали, тоже не последний в истории. «Современное общество», «современный человек» и «современная мораль» – это эвфемизмы, означающие капиталистическое общество и социализированного для успеха в нем индивида. Поэтому, как ни парадоксально, сегодня отсылки к абстрактной «современности» – это отсылки к прошлому. Они неизбежно глубоко пессимистичны и сводятся к той или иной разновидности теории круговорота, роста и смерти цивилизаций.

Теории, провозглашающие конец морали, не учитывают того, что политическая борьба, порождающая в том числе мораль, не исчезает с исчезновением или ослаблением идеологий и утопий. В любом случае остается борьба новых социальных групп за настоящее и будущее. Новые социальные слои, выдвигая свои требования, выдвигают и новую мораль, причем делают это вначале неосознанно. Мораль же возникает в зазоре между сущим и должным, а этот зазор не зависит от конца метарасказов конкретного, пусть даже исторически преходящего, типа. Перемены означают социальную борьбу и критику, то есть морализаторство. Носители новой нравственности (а она, конечно, возникает) далеко не всегда склонны к конформизму и не воспринимают себя живущими в эпоху «конца истории» или «осени цивилизации». Если новая нравственность окажется втянутой в политическую борьбу и будет вынуждена стать политической силой, то формирование новой морали становится неизбежным.

Мы живем в эпоху перемен. А именно – в эпоху очередной трансформации капитализма, капиталистической миросистемы (КМС). Капитализм и раньше пытались ограничить исходя из политико-моральных соображений. Но это были паллиативные меры, поскольку еще не возникли новые социальные слои с новой нравственностью, которые уже живут вне капитализма. (До того капитализму противостояли социальные группы со старой некапиталистической или восходящей к традиционной культуре нравственностью и моралью). Теперь ситуация меняется.

Современное общество, называть ли его «плоским миром» [11] или «цифровым капитализмом» порождает новый тип человека. Этот новый тип человека больше ориентирован на «самосоздание», нежели на работу и потребление, даже если он и вынужден трудиться в рамках капиталистического предприятия. «То, что предприятия рассматривают как “свой” человеческий капитал – на самом деле бесплатный ресурс, внешняя данность, которая возникла сама собой и продолжает производить самое себя. Фирмы лишь улавливают эту способность самосоздания и направляют ее в нужное им русло. Разумеется, этот человеческий капитал не чисто индивидуален. Самосоздание не возникает на пустом месте. Оно раз-

вивается на основе общей культуры и общего знания, распространяемых в процессе первичной социализации» [2, с. 28]. Иными словами, теперь появился и все более распространяется человеческий тип, явно избыточный для капитализма и его нужд, тип, который не может быть «переварен» капиталистическими предприятиями и фирмами. Есть основания полагать, что уже одним своим наличием и образом жизни этот тип трансформирует существующие социальные отношения, что ему тесно в их рамках.

Что это означает? Востребованный «цифровым капитализмом», но избыточный для него, человек действительно обладает новой системой ценностей, новой *нравственностью*. Но рождение новой нравственности означает только завершение эпохи *прежних* попыток *моральной компенсации* капитализма. Все прежние попытки были следствием длительного переходного периода, на протяжении которого общества не обладали иным способом справляться с издержками капиталистического развития (или, если угодно, перехода к индустриальному обществу) иначе, чем пытаясь регулировать их, апеллируя к остаточной христианско-традиционной морали. Старая нравственность еще во многом традиционного общества противоречила капитализму и была вынуждена защищаться от него, побуждая формулировать морально-политические концепции идеологического и утопического характера. Порожденное необходимостью сопротивляться капитализму морально-политическое сознание не просто пассивно отражало фактическое положение вещей в обществе. Оно требовало, чтобы действительность согласовывалась с его предписаниями. Постоянная политико-морализаторская критика существующего порядка в эпоху Модерна тем не менее оставалась только обороной. Несмотря на то, что в рамках политико-идеологического морализаторства выростали в том числе и проекты преодоления капитализма, они не могли быть реализованы, поскольку опирались на в той или иной степени трансформированную нравственность прошлого, а не будущего [7, с. 11-37].

Сегодня «избыточный человек» отторгает капиталистическую систему всем своим образом жизни, то есть у него иные нравы, иная нравственность. Одновременно это влечет за собой и то, что другие считают упадком морали. Но означает ли это конец всякого морализаторства? Никоим образом нет. Переходный период из марксовской «предыстории» в подлинную человеческую историю, или же в гегелевский или в чей-либо иной «конец истории» еще далеко не завершен. Такой переход никогда не происходит без борьбы. Чем сильнее современный «цифровой капитализм» будет определять нашу реальность, тем больше будет желающих добровольно «сойти с гонки». П. Глотц по этому поводу пишет: «Из недр этой группы возникнет и новое (по крайней мере, по-новому сконструированное мировоззрение... Борьба между цифровым пролетариатом и цифровой

элитой будет вестись не из-за отдельных технократических или экономических концептов.., а по принципиально иным и эмоционально нагруженным вопросам образа жизни ... Предметом дискуссии окажется вся социальная этика современного капитализма» [2, с. 91].

Обладать иной нравственностью, нравственностью «в себе» – мало для всеобъемлющей социальной трансформации. Но сознательная попытка социальной трансформации, предпринятая новым социально-историческим субъектом, всегда означает политическую борьбу, борьбу мировоззрений, а не только образов жизни. Возникающая в борьбе мораль – не просто порожденный новыми историческими реалиями вид нравственности, но еще и осознающий свое отличие от нравственности старой и объясняющий это отличие. Новая мораль – это новая нравственность «для себя». Она никоим образом не будет чисто индивидуальной или корпоративной, поскольку для сознательного изменения мира этого недостаточно.

Попытки формулировать иную мораль станут следствием неизбежной социально-политической борьбы. Это означает появление новых морализирующих утопий, которые и являются выражением полностью осознающей себя новой нравственности. Правда, появление такого рода утопий все еще является делом будущего. До сих пор политическое мышление левых кругов в области морали плетется в хвосте доминирующей либеральной парадигмы и потому все его моральное содержание сводится к борьбе за упомянутую выше нейтральную правовую систему, позволяющую вежливо игнорировать друг друга. Следствием этого является навязывание политической повестки дня правыми, оказывающимися чувствительнее к тем глубоким социальным переменам, реакция на которые и вызывает новую политическую борьбу вкупе с попытками обосновать ее морально. Впрочем, в истории далеко не всегда первым приезжает тот, кто раньше запрягает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
2. Цит. по: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. Дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
3. Цит. по: Дробницкий О.Г. Моральная философия. М.: Гардарики, 2002. 523 с.
4. Краснухина Е.Г. Религиозная мораль и секулярная нравственность // Религия и нравственность в секулярном мире: Материалы науч. конф. 28-30 нояб. 2001 г. С.-Петербург. СПб.: С.-Петербургское филос. общество, 2001. С. 46-50.
5. Лиотар Ф. Состояние Постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Мартьянов В.С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис, 2006. № 4. С. 61-73.
7. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь мир, 2010. 256 с.
8. Никонов А. Апгрейд обезьяны. М.; СПб.: ЭНАС; Питер, 2008. 496 с.

9. Нравственность современного общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://truemoral.ru/morals.php> (проверено 5.07.2011 г.).
10. Славой Жижек: Правые формируют повестку дня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rabkor.ru/interview/11523.html> (проверено 5.07.2011 г.).
11. Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2006. 608 с.
12. Цит. по: Юревич А.В., Ушаков Д.В. Нравственность в современной России // Психологические исследования: электрон. науч. журн., 2009. № 1(3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psystudy.ru> (проверено 5.07.2011 г.).

RESUME

Leonid Gershevich Fishman, Doctor of Political Science, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg fishman@yandex.ru

Does morality will disappear?

The paper considers the following issue: does morality will disappear in the course of evolution of man and society, giving way to ethics and legal norms as social regulators. It is shown that such a statement is a consequence of thinking within the dominant liberal paradigm is driven by the idea of “the end of history”, implicitly reproduced in it, and it excludes the possibility of social change outside capitalism and liberalism.

Morality, liberalism, capitalism, social change, political strife.

Материал представлен в редколлегию 27.07.2011 г.